

УДК 94(47)

DOI: 10.21685/2072-3024-2017-1-1

Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Аннотация.

Актуальность и цели. Исследование роли православия в становлении национального самосознания россиянина приобретает особую значимость в переходные периоды русской истории, одним из которых являлся период конца XIX – начала XX вв., и, безусловно, актуально для изучения становления современного самосознания в России. Изучение истории русской государственности поздней имперской России было бы неполным без исследования генезиса православия как государственной религии и места Русской православной церкви в данной модели.

Материалы и методы. Исследование проведено на базе опубликованных и неопубликованных архивных источников, воспоминаний церковных иерархов, материалов печати. Используются формально-логический, статистический, сравнительно-исторический методы.

Результаты. В ходе написания статьи исследовано место православия как государственной религии в идеологии самодержавия и в структуре национального самосознания населения Российской империи конца XIX – начала XX в.

Выводы. Работы государствоведов поздней имперской России посвящены вопросам взаимодействия Российской православной церкви и государства в период реформ 1860–1870-х гг. в контексте взаимоотношений духовенства, церковной бюрократии и паствы. Одним из результатов церковных реформ являлось преодоление сословной замкнутости духовенства, ликвидация которой была необходима для устранения разрыва между пастырем и паствой.

Ключевые слова: церковная реформа, православное духовенство, конфессиональная политика самодержавия, Русская православная церковь, консерватизм.

N. G. Karnishina, V. Yu. Karnishin

THE CONFESSIONAL QUESTION IN THE POLITICAL AND LAW THOUGHT IN RUSSIA OF THE LAST QUARTER OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Abstract.

Background. The investigation of the role of orthodoxy in the national self-consciousness of Russians becomes important in transitional periods of the Russian history, for example in the late XIX – early XX centuries and relevant for investigation of the modern self-consciousness in Russia. The study of the history of statehood of late imperial Russia might not be full without an investigation of the genesis

of orthodoxy as the state religion and the place of the Russian orthodox church in this model.

Materials and methods. The investigation was based on published and unpublished archival sources, memories of church priests, print materials. The methodology consisted of formal-logical, statistic, comparative-historical methods.

Results. The authors investigated the place of orthodoxy as the state religion in the ideology of autocracy and in the structure of the national self-consciousness of population of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries, political and law concepts.

Conclusions. The authors analyzed the place and role of orthodoxy in the state ideology of autocracy, as well as the genesis of confessional policy in late imperial Russia.

Key words: church reform, orthodox clergy, confessional policy of autocracy, Russian orthodox church, conservatism.

На рубеже XIX–XX вв. как никогда остро встал вопрос кризиса идеологии самодержавия. Казавшаяся незыблемой триада «самодержавие – православие – народность» перестает восприниматься большинством как стержень государственной идеологии. При исследовании теорий, претендовавших на роль государственной идеологии, на наш взгляд, особое внимание следует уделить анализу эволюции православия как государственной религии в России. Церковно-политическая идеология, соприкасавшаяся с идеологией самодержавия, с идеей божественного происхождения власти, порождала религиозность особого рода.

«Что такое церковь?» – спрашивал в 1881 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев в письме к К. П. Победоносцеву и сам отвечал: «“Собрание всех верующих”, – находим мы ответ в Катехизисе. Достаточно ли такое определение и что такое “собрание верующих”? Не составляет церковь политическое учреждение, так как мы видим в ней, с одной стороны, целую массу обрядов, а с другой – целый ряд канонов, постановлений и административных форм. Собрание всех верующих, т.е. соединение всех в единое тело, одушевленное благодатью, – вот глубинный смысл этого определения. Каждый член церкви сознает себя членом единого тела» [1, с. 9].

Церковная жизнь в рассматриваемый период стала фактически церковно-общественной именно в силу выделения прежде всего гражданской функции прихода. Большинство современников при этом считали, что даже столичное белое духовенство не имело серьезного долговременного влияния на свою паству. Публицист К. Ф. Головнин вспоминал: «Холерные беспорядки воочию показали, что в народе нет еще религиозно-нравственного сознания, нет уважения к закону, нет даже простого уважения к чужой личности» [2, с. 41–44].

По мнению К. Д. Кавелина, для огромного большинства русского народа вся суть христианства представлялась в виде богослужения и обрядов, т.е. в виде культа [3, с. 438].

Церковный ритуал в отличие от обряда обладает личностным смыслом для совершающих его людей и функционально выражает актуализированное духовное содержание – веру. Как правило, обрядоверие не распространяет благочестие за пределы церковного храма, не пронизывает весь жизненный уклад и строй мысли верующего человека. К. Д. Кавелин в «Записке об осво-

бождении крестьян в России» предлагал воздействовать на владельцев крестьян, не желавших отказаться от своих прав, через церковь. Он писал: «Цель едва ли была бы достигнута формальным предложением Св. Синода и синодскими циркулярами всему православному духовенству» [4, с. 58, 59].

Достаточно точно, на наш взгляд, причины обостренного внимания общественности к проблеме религиозности русского народа объяснил Г. Флоровский. Он писал: «Веру сохранили на низах, чаще в суеверно-бытовом обрамлении. Православие осталось верой только “простого народа”, купцов, мещан и крестьян. И многим стало казаться, что вновь войти в церковь можно только через опрощение, через слияние с народом, через национально-историческую оседлость, через возвращение к земле» [5, с. 503, 504].

В этой связи целесообразно вспомнить полемику западников и славянофилов. Славянофилы ограничивались в основном критикой зависимости церкви от государства. Ю. Ф. Самарин в работе «Окраины России» выразил взгляды славянофилов на место Русской православной церкви (РПЦ) в русском государстве: «Пусть же правительство возвратит Церкви свободу мысли, свободу внутреннего строения и отзовет от нее своих вооруженных прислужников» [6, с. 451]. Обращаясь к Ю. Ф. Самарину, А. И. Герцен писал: «Для вас русский народ – преимущественно народ православный, т.е. наиболее христианский, ближайший к веси небесной. Для нас русский народ преимущественно социальный, т.е. наиболее близкий к осуществлению одной стороны того экономического устройства, той земной веси, к которой стремятся все социальные учения. <...> Вообще я ни прежде, ни теперь не мог понять, отчего все христианство за стенами восточной церкви нехристианское и отчего Россия представляет учение о свободе (разумеется, не на практике), а Запад – учение, основанное на необходимости» [7, с. 1].

Учитывая принципиальные расхождения этих двух общественных деятелей в их оценках, следует, однако, отметить очень точное выделение А. И. Герценом кризисной точки в славянофильском учении, которая в дальнейшем приведет к еще более противоречивым высказываниям и оценкам происходивших реформ со стороны последователей славянофильства.

Попытки понять характер и меру религиозности народа приводили многих авторов к схожим наблюдениям о выставляемой «напоказ» внешней обрядовой религиозности, базирующейся часто на невежестве, «недостатке образования» и в то же время неуважительном отношении к епархиальным представителям официальной церкви, которые являлись предметом многочисленных «слухов, анекдотов и сплетен».

Духовенство городских приходов в провинциальных городах, зависимое от местной администрации, проявляло свою общественную активность в строго дозволенной Синодом и губернатором форме. Часто ответственность за промахи и ошибки центральной и местной администрации перекладывали на епархиальное духовенство. Таким приемом, например, пользовались столичные власти, попадая впросак при проведении реформ, что приводило к снижению авторитета благочинных в глазах мирян.

В пореформенный период русское духовенство предпринимало попытки преодолеть изоляцию от светского общества. Приходские священники в большинстве своем ориентировались на поиск диалога со своими прихожанами различных сословий и состояний.

Г. Фриз одну из основных причин неудач реформ второй половины XIX в. видел в наличии разлада между духовенством и паствой [8, с. 4].

На наш взгляд, разлад духовенства с паствой не носил всеобъемлющего характера. Не являясь на тот момент монолитной системой, РПЦ испытывала внутренние противоречия. Находясь в центре общественной жизни, в пореформенный период духовенство вынуждено было усилить активность в поисках диалога с мирянами. Это касалось и столичного, и провинциального белого духовенства. Среди церковных иерархов росло недовольство недостойным поведением части причтов, что находило отражение как в официальной переписке, так и в свидетельствах современников.

Так, епископ Палладий в письме от 21 октября 1878 г. из Тамбова в Петербург писал протоиерею Д. Ф. Ганкевичу о впечатлении, вынесенном при поездке по епархии (об отношении народа к духовенству): «Во время поездки моей по епархии я заметил, что народ не любит духовенства и тяготится им. Во многих приходах мне пришлось слышать такие речи от народа: “Попы – наши враги, грабители и разорители”. Что же будет, если эти речи сделаются общими, повсеместными? А вся беда в том, что жалованья нет, и священники принуждены торговаться с народом за каждую потребу. Не много таких, которые довольны тем, что дают; большинство требует, торгуется и из-за торга нередко производит скандалы» [9, с. 1].

Епископ Енисейский Никодим в письме вице-директору канцелярии обер-прокурору из Красноярска от 13 мая 1866 г. помимо проблемы непопулярности треб у населения поднял еще несколько проблем во взаимоотношениях духовенства с паствой на подведомственной ему территории: «Вот уже пятый год живу я в Красноярске. Освоился и со страной, и с жителями ее. Оскудение духовенства возрастает быстро, угрожает даже невозможностью существовать. Сие – от охлаждения в вере, а охлаждение – от ложного просвещения, которым ныне так жадно питаются и русские умы. В частности, наша Енисейская губерния имеет на две трети во всех чинах и должностях поляков. Русские же иногда тяжелее и дерзновеннее поляков относительно пренебрежения духовенством» [10, с. 7].

Анализ отчетов о состоянии епархий последней четверти XIX – начала XX в. показал устойчивую тенденцию упадка сельских приходов, что касалось практически всех губерний Российской империи. Так, епископ Нижегородской и Арзамасской епархии в своем отчете за 1889 г. писал: «Степень умственного развития священников епархии удовлетворительна, но нельзя сказать того же о прочих членах причта, особенно о псаломщиках, кои вследствие отчасти нужды материальной, отчасти недостаточной учебной подготовки, а более просто по нерадению – в большинстве не обнаруживают даже и стремления к просвещению себя. При существовании старого устава считалось, что материальное состояние духовенства Нижегородской епархии было более удовлетворительно, хоть в то же время много было приходов, в которых материального благосостояния члены причта достигли только при усиленных занятиях по хозяйству. Много было и таких, в которых причты терпели крайнюю скудость по причине или бедности самих прихожан, нерасположенности их к духовенству, или же по многочисленности семейства самих священников. Общая удовлетворительность материального положения достигалась отчасти сокращением приходов и причтов. С введением же новых пра-

вил о приходах положение духовенства в значительной степени изменилось к лучшему» [11, с. 40, 47].

Епископ Владимир именно в отчете за 1889 г. уделил большое внимание анализу материального положения причтов, считая этот вопрос нерешенным в период реформ и все более и более усугубляющимся в 1880-е гг. В частности, он писал: «Вследствие общего обеднения, плохих урожаев, низких цен на хлеб, многочисленности всякого рода поборов и налогов крестьяне, видимо, сильно тяготея исполнением своих приговоров, заключенных в семидесятых годах по обеспечению быта духовенства, ремонту церковных домов. Во многих местностях материальное положение духовенства находится в крайне печальном состоянии: сборы натурой уничтожены, обязательные взносы платятся несвоевременно или вовсе не вносятся, плата за требоисправления, переведенная на денежные оклады, также перестала быть источником содержания. В настоящее время с введением постановления диаконов священник в приходе с 700 душ получает вместо прежних 420 руб. только 280 руб., псаломщик 93 руб. 33 коп., где 800 или 900 душ, вместо 480 руб. – всего 320 руб., а псаломщик 108 руб., так что священники больших приходов пользуются меньшим вознаграждением, чем священники в малых приходах, равно как и псаломщики» [12, с. 48].

Усилившиеся с конца 1870-х гг. сетования епископов на падение влияния белого духовенства в приходах были связаны с неоправдавшими себя надеждами сановников, являвшихся авторами реформ, на высокую степень влияния священников на паству. Духовное сословие не стало в этих условиях той цементирующей основой, вокруг которой, по мысли части реформаторов, должен был сплотиться «простой народ». Реформы нарушили традиционный уклад жизни, и вместе с тем потребовалась более кардинальная ломка замкнутости духовенства, ослабление тотального контроля за церковью со стороны государства. Церковные реформы этих проблем не решили, тем самым не приостановив процесса падения престижа белого духовенства в глазах населения, а лишь усилив эту тенденцию. Именно к началу 1890-х гг. в большинстве официальных записок звучала тревога о «религиозно-нравственном состоянии паствы» в епархиях. Все более становится очевидным падение престижа духовенства.

К. Леонтьев в одном из своих писем отмечал: «Ограничить всю жизнь церкви одним охранением значило бы обрекать ее почти что на полное бессилие. Теперь время богословствовать, особенно мирянам. Личную жизнь нужно связать послушанием, но ум должен оставаться свободным, конечно, в пределах догмата и предания. Ведь есть новые вопросы, и о них подобает писать мирянам, исследуя пути» [13, с. 201, 203].

По мнению А. В. Репникова, для российских консерваторов была характерна сакрализация самодержавной власти. По этой причине вплоть до конца XIX в. консервативные идеологи в России не стремились обеспечить оформление политико-правовой доктрины самодержавной власти [14, с. 92].

К. П. Победоносцев считал, что религиозные основы составляют сущность самодержавия. По мнению Л. А. Тихомирова, жизнь каждого человека должна быть нацелена на обретение высшей правды и справедливости, которые находятся в тонкой внутренней связи с верованиями и представлениями религиозными [15, с. 90].

В этой связи интерес представляет теократическая концепция В. С. Соловьева. По его мнению, государство должно быть деятельно нравственным на основе религиозного начала. Государство есть только внешнее равновесие, высший идеал лежит в основе внутренних нравственных взаимоотношений живых сил общества. Иерархия нравственного начала организуется прежде всего в церкви. По В. С. Соловьеву, основы любого общественного строя всегда сводятся к двум главным видам: суверенитету божественному и суверенитету народному. Соловьев писал: «В современном мире существует несколько воззрений на взаимоотношение церкви и государства. Так, согласно восточному воззрению, христианство отодвигает государственную жизнь на второе место, ставя на первое место жизнь духовную или религиозную! С точки зрения Запада, христианство признает за государством положительную задачу и деятельно-прогрессивный характер. Западное христианство не только призывает государство к борьбе со злыми силами мира под знаменем церкви, но и требует от него также, чтобы оно проводило в политике и международной жизни нравственные начала, поднимающие мирское общество до высоты мирского идеала» [16, с. 131, 132, 372, 373].

Для В. С. Соловьева общество не является простым механическим соединением индивидов: оно имеет собственный организм и собственное личностное бытие на основе христианской солидарности и братства.

Большинство авторов на рубеже веков доказывают неразрывную связь самодержавия и православия, обосновывая необходимость поддержки Русской православной церкви. Как писал И. А. Ильин, «поучительно то обстоятельство, что кризис христианства и кризис монархической государственности идут рука об руку» [17, с. 460].

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1391. Оп. 1. Д. 106.
2. Церковный вестник. – 1892. – № 36. – С. 41–46.
3. **Кавелин, К. Д.** Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / К. Д. Кавелин. – М., 1982. – С. 438.
4. **Кавелин, К. Д.** Собрание сочинений / К. Д. Кавелин. – СПб., 1898. – Т. 11. – С. 58, 59.
5. **Флоровский, Г.** Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Париж, 1937. – 542 с.
6. **Самарин, Ю. Ф.** Окраины России / Ю. Ф. Самарин // Сочинения. – СПб., 1890. – Т. 8. – 489 с.
7. Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 265. К. 92. Д. 10.
8. **Freeze, G. L.** The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform / G. L. Freeze. – Princeton, New Jersey, 1983. – 267 p.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. Д. 1471.
10. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1397.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 703.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 704.
13. **Леонтьев, К. Н.** Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907–1909) / К. Н. Леонтьев. – СПб., 1910. – 198 с.

14. **Репников, А. В.** Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX в.) / А. В. Репников. – М. : Готика, 2006. – 424 с.
15. **Тихомиров, Л. А.** Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – СПб., 1905. – Ч. I. – 672 с.
16. **Соловьев, В. С.** Собрание сочинений / В. С. Соловьев. – СПб., 1900. – Т. 2. – 486 с.
17. **Ильин, И. А.** Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1994. – Т. 4. – 496 с.

References

1. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (dalee – RGIA)* [The Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 1391. Op. 1. D. 106.
2. *Tserkovnyy vestnik* [Church bulletin]. 1892, no. 36, pp. 41–46.
3. Kavelin K. D. *Nash umstvennyy stroy. Stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury* [Our mind order. Articles on philosophy of Russian history and culture]. Moscow, 1982, p. 438.
4. Kavelin K. D. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Saint-Petersburg, 1898, vol. 11, pp. 58, 59.
5. Florovskiy G. *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russia theology]. Parizh, 1937, 542 p.
6. Samarin Yu. F. *Sochineniya* [Works]. Saint-Petersburg, 1890, vol. 8, 489 p.
7. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki* [Research department of the Russian State Library]. F. 265. K. 92. D. 10.
8. Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, New Jersey, 1983, 267 p.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (dalee – GARF)* [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 109. Op. 3. D. 1471.
10. *GARF*. F. 109. Op. 3. D. 1397.
11. *RGIA*. F. 796. Op. 442. D. 703.
12. *RGIA*. F. 796. Op. 442. D. 704.
13. Leont'ev K. N. *Dukhovnyy krizis intelligentsii. Stat'i po obshchestvennoy i religioznoy psikhologii (1907–1909)* [Spritual crisis of the intelligentsia. Articles on public and religious psychology (1907–1909)]. Saint-Petersburg, 1910, 198 p.
14. Repnikov A. V. *Konservativnye predstavleniya o pereustroystve Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Conservative ideas on reformation of Russia (late XIX – early XX centuries)]. Moscow: Gotika, 2006, 424 p.
15. Tikhomirov L. A. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchic statehood]. Saint-Petersburg, 1905, part I, 672 p.
16. Solov'ev V. S. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Saint-Petersburg, 1900, vol. 2, 486 p.
17. Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, 1994, vol. 4, 496 p.

Карнишина Наталья Геннадьевна

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: karnishins@mail.ru

Karnishina Natalia Gennadievna

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of history of Russia, state
and law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Карнишин Валерий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Отечества,
государства и права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valery Yur'evich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of history of Russia,
state and law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94(47)

Карнишина, Н. Г.

**Конфессиональный вопрос в политико-правовой мысли России
конца XIX – начала XX в. / Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин // Известия
высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. –
2017. – № 1 (41). – С. 5–12. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-1-1**